

Вид-во Українського фітосоціологічного центру, 1999. - 148 с.

6. Селіванова О. Нариси з української фразеолопії (психокогнітивний та етнокультурний аспекти): Монографія. -К.. Черкаси: Брама, 2004. -276 с.
7. Фрумкина Р.М., Звонкин А.К., Ларичев О.И., Касевич В.Б. Представление знаний как проблема //Вопр. языкознания. - 1990. -№6. - С. 85-101.

Summary

The article is devoted to conceptual analysis of Dovzhenko \s key words that reflect the structure of the author's mental language conscience and the main constituents of Ukrainian people's values.

Н.П.Мещерякова

канд. педагог, наук, доцент

АРХЕТИП МОРЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С.ТУРГЕНЕВА

У статті розглядається проблема архетипу моря у творчості

І.С. Тургенева, проеліджується присутність „морського” у художніх творах письменника.

За И.С.Тургеневым уже давно утвердилась слава художника по преимуществу, мастера пластических образов и четко выверенных, соразмерных композиций, писателя, чьи произведения характеризуются прежде всего присутствием в них искусства, понимаемого не как „название разряда или области, обнимающей необозримое множество понятий и разветвляющихся явлений, но, наоборот, как нечто узкое и сосредоточенное, обозначение начала, входящего в состав художественного произведения, название примененной в нем самой силы или разработанной истины...”, не как „предмет или сторона формы, но скорее таинственная и скрытая часть содержания” [3, с. 8].

Не случайно, что именно в Тургеневе из всех классиков русской литературы XIX в. видят продолжателя пушкинской традиции. Однако, принято считать, что историческое значение творчества И. С. Тургенева состоит прежде всего в том, что он показал жизнь русского общества своего времени, составил яркую летопись русского освободительного движения этой эпохи.

Цель данной работы - привлечь внимание читателей к художнику, чья репутация, на наш взгляд, в XX в. серьезно пострадала и интерес к которому (по крайней мере, в школьном изучении) заметно упал.

В последнее время эту проблему пытаются разрешить многие ученые, в частности, В.Н.Гопоров обращает внимание на проявления „странного” [3, с. 5] как в жизни писателя, так и в его произведениях, особенно в персонажах, которым Тургенев сужал свои „странности”. Как отмечает исследователь: „Хотелось бы надеяться, что в „странном”, как принято было говорить раньше, созвучно ему, или - проще и решительнее - в неких жизненно важных, экзистенциальных обстоятельствах поставит себя на место страдающего Тургенева и „сродных” ему персонажей его произведений” [3, с. 6].

Из наиболее часто встречающихся образов смерти у И.С.Тургенева выступает

море („морское”), которое, разумеется, нередко появляется в контекстах, непосредственно не связанных с топикой смерти. Учитывая значимость „морского” начала и морской образности в произведениях писателя, В.Н.Топоров заявляет, что можно с основанием говорить о присутствии в произведениях Тургенева специфического „морского комплекса”, отражающего некоторые особенности психофизиологической структуры самого творца этих произведений [3].

Ключевые слова, позволяющие опознать присутствие „морского” комплекса у Тургенева, - *море, вода, волны, лодка, качание, колыхание, опускание - погружение, прибой, отлив, берег, дно*. Впрочем, и при наличии этих слов необходимо обращаться к более широкому и общему контексту, в котором особая роль принадлежит темам смерти, рождения, сна, любви, ужаса.

Таких „морских” фрагментов в произведениях Тургенева достаточно много, и хронологически они распределяются в основном по двум срезам - с конца 40-х годов по начало 60-х и с конца 70-х до 1883 г. (года смерти писателя).

Незадолго до смерти, И.С.Тургенев писал: „Я был на дне моря и видел чудовища и сцепления безобразных организмов, которые никто еще не описывал, потому что никто не воскресал после таких спектаклей” [3, с. 104]. Этот ужас погружения на дно моря и то, что писатель там увидел, и есть ужас конца, ужас смерти.

Сходные чувства, практически описанные теми же словами, испытывает Наталья Ласунская („Рудин”), прочитав прощальное письмо Рудина: „Она сидела не шевелясь; ей казалось, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над ее головой - и она шла ко дну, застывая и немея” [5, с. 94].

Подобные же чувства опускания на дно пережил и Лаврецкий („Дворянское гнездо”) в дни тяжелых испытаний, выпавших на его долю. „Вот когда я попал на самое дно реки”, - сказал он самому себе не однажды. Он сидел под окном, не шевелился и словно прислушивался к течению тихой жизни, которая его окружала, к редким звукам деревенской глуши... и вдруг находит тишина мертвая; ничто не стукнет, не шелохнется; ветер листком не шевельнет... „Вот когда я на дне реки”, - думает опять Лаврецкий [5, с. 176].

Утомленный ненужностью и бессмысленностью жизни, совсем еще не старый, но боящийся смерти Санин („Вешние воды”) размышляет: „...а там вдруг уж точно как снег на голову, нагрянет старость - и вместе с нею тот постоянно возрастающий, все разъедающий и подтачивающий страх смерти... и бух в бездну-!.. Не бурными волнами покрытым... представлялось ему жизненное море: нет; он воображал себе это море невозмутимо гладким, неподвижным и прозрачным до самого темного дна; сам он сидит в маленькой, валкой лодке, - а там, на этом темном, илистом дне, наподобие громадных рыб, едва виднеются безобразные чудища: все житейские недуги, болезни, горести, безумие, бедность, слепота... Он смотрит: и вот одно из чудищ выделяется из мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнее... Еще минута - и перевернется подпертая им лодка!” [4, с. 512].

Связь моря со смертью отражена и в других тургеневских произведениях: „Дневник лишнего человека”, „Два приятеля”, „Призраки”, „Дрозд (I)”.

В последние годы жизни И.С.Тургенев спрашивал самого себя: „Куда же деться мне? И не пора ли мне упасть в море?” [4, с. 205].

Море, сравниваемое со степью, с пустыней, также частый тургеневский мотив

(„Певцы”, „Голу би”). Но не только степь и пустыня уподобляются морю: „Вид огромного, весь небосклон обнимающего бора, вид „Полесья” напоминает вид моря” („Поездка в Полесье”) [4, с. 510].

Это умение видеть и за степью, и за пустыней, и за лесом, и за дорогами („Лебедянь”), и за холмами („Лес и степь”) образ моря, способность опознавать „морское” во всем, что бескрайне в высокой степени позволяет нам говорить о присутствии у И. С.Тургенева „морского” комплекса как некоей индивидуальной особенности его психофизиологической природы.

Можно с уверенностью сказать, что „морская” тема и „морские” образы в сновидениях были очень важны для Тургенева, который в своих произведениях неоднократно возвращался к своим „морским” снам. „Морской” комплекс Тургенева особенно отчетливо обнаруживает себя именно в связи со сновидениями. Так, в тексте „Конец света. Сон” из цикла „Senilia” писатель описывает свою смерть, как бы совпадающую с концом свега: „...Это - море! - подумалось всем нам в одно и то же мгновение. - Оно сейчас нас всех затопит... Только как же оно может расти и подниматься вверх? На эту кручь.

И, однако, оно растет, растет громадно... Это уже не отдельные бугорки мечутся вдали... Одна сплошная, чудовищная волна обхватывает весь крут небосклона.

... Я хотел-было ухватиться за товарищей - но мы уже все раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, как чернила, черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота... Темнота веч ная!

Едва переведя дыхание, я проснулся” [4, с. 154-155].

Очень похожим был и вещей сон Елены у постели умирающего Инсарова („Накануне”).

В „Лазурном царстве” Тургенев говорит о счастье любви, о блаженстве, о красоте природы, и все это вписано в великолепный пейзаж южного моря.

Вскоре после „Лазурного царства” (в 1878 г.) Тургенев пишет стихотворение „Я шел среди высоких гор”, в котором, хоть и косвенно, также возникает образ моря, как стихии, которая несла и к счастью, и к его утрате.

В последние годы жизни Тургенева обращения к „морской” топике становятся все более частыми, и даже когда они не имеют непосредственного отношения к фиксации „морского” комплекса, их значение для выявления и выражения этого комплекса несомненно.

Достаточно назвать еще два текста из цикла „Senilia” - „Камень” (1879) и „Морское плавание” (1879). В первом - параллель: старый, серый камень, оживающий в час прилива, в солнечный день, когда морские волны „бьют и играют и ластанся к нему”, и на его обычно хмурой поверхности выступают яркие цвета, с одной стороны, и, с другой, „мое старое сердце”, на которое „недавно со всех сторон нахлынули молодые женские души - и под их ласкающим прикосновением зарделось оно уже давно поблекшими красками, следами бывалого огня! - Волны отхлынули... Но краски еще не потускнели - хоть и сушит их резкий ветер” [4, с. 186].

Во втором тексте говорится о связи „морского” и бессознательного, подготовленной описанием моря в тумане.

В связи с морем можно вспомнить известный эпизод из жизни писателя, описанный в очерке „Пожар на море”. Когда все, кто был на пароходе, должны были

найти смерть в морской пучине, так как катастрофа была неминуема, а берег казался недостижимым. И, однако, именно море стало кратчайшим путем к спасению: шлюпка доставила Тургенева и его спутников к берегу. Это событие не могло не оставить неизгладимого следа в душе писателя и, возможно, предопределило особое отношение к морю, несущему смерть.

В заключение необходимо отметить, что „морское” было для Тургенева не просто литературной темой, но жизненно важным личным переживанием, образы которого являли архетипическое, которое чаще всего всплывало в сновидениях.

Список использованной литературы

1. Топоров В.Н. О „поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах // История культуры и поэтика. - М., 1994. - С. 11-52.
2. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ // Исследования в области мифопоэтического. - М., 1995. - С. 575-622.
3. Топоров В.Н. Странный Тургенев. - М., 1998. - 192 с.
4. Тургенев И.С. Полное собрание соч. и писем в 28 тт. - Т. 13. -М.-Л, 1967. - 735 с.
5. Тургенев И.С. Рудин. Романы. - Львов, 1983. -600 с.

Summary

The article deals with the problem of the archetype of the sea in I.S.Turgenev's works, traces back the presence of the „marine ” in the literary works of the writer.

Т.В.Михальченко
старший преподаватель
И.Белоконенко
студентка

ПРИЧИНЫ ДУХОВНОГО ПАДЕНИЯ ЖИЛЯ ДЕ РЕ (по роману Ж.К.Гюисманса „Геенна огненная”)

Ця стаття присвячена аналізу натуралістичної концепції особистості, втіленої Гюїсмансом в історії морального занепаду Жюля де Ре, героя роману „ Геенна Огненная ”.

Французский писатель Ж.К.Гюисманс (1848-1907) известен как автор натуралистического направления. В его творчестве сконцентрированы многие идеи и мотивы Э.Золя, „патриарха натуралистической школы”. Наиболее известны романы Гюисманса „Сестры Ватар” (1879), „С мешком за плечом” (1880), „Семейный очаг” (1881), „По течению” (1881) [2].

Однако его творчество не нашло должного отражения в современной литературной критике. Возможно, это связано с давней традицией рассматривать натурализм в русле развития реалистической литературы, отказывая этому мощному литературному направлению в художественной самостоятельности и высказывая сожаление по поводу того, что в произведениях натуралистов „ценные социальные аспекты были заслонены мотивами патологии” [3, с. 344].

Наиболее яркое воплощение натуралистическая концепция личности получила в